

306
1917

Да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 35 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 40 К.
РОЗН. ПРОДАЖЪ

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 26

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

ЮЛЬ

Рис. Ре-ми.

ЦѢНА ПО ФИНЛЯНДСКОМУ КУРСУ...

Финнъ: — Россія!!.. Кому нужно Россію... Пожалуйте... Гродаю. Гидцать серебрянниковъ...

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 Г.,

выпускаемый на основаніи постановленія Временнаго Правительства

отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются дѣлѣнностью въ 20, 40, 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ министромъ финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

- въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
- въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
- въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
- въ Городскихъ общественныхъ банкахъ,
- въ Обществахъ взаимнаго кредита,
- въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
- въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ.
- въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по $5\frac{3}{4}\%$ годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ 75% номинальной суммы.

ЧЕЛОВѢЧЕСТВО — БОГЪ.

Нѣтъ, не фантазія
 Все, что провижу черезъ сто лѣтъ и далѣе:
 Европа и Азія,
 Америка, Африка и Австралія,
 Опаленныя ярой войной,
 Оглушенныя ревомъ: «Свобода»,
 Станутъ единой страной
 Одного народа,
 Всѣмъ понятный языкъ
 Сингалезца сроднить съ самоѣдомъ,
 О, радость миллиардовъ книгъ,
 О, воля къ безкровнымъ, сладчайшимъ побѣдамъ!
 Радиостанція «Союзъ планетъ»
 На Эверестъ иль на Монбланъ
 Будетъ сообщать въ редакціи газетъ
 О томъ, какъ живутъ марсіане.
 Отъ полюса къ полюсу аэро
 Устремлять искуснѣйшіе авіаторы.
 Утвердятъ законность двухчасового труда.
 Солнечные аккумуляторы,
 Часъ днемъ и часъ ночью.
 Поворачивать рычаги и краны
 Будутъ рабочіе
 «Мировой охраны».
 Обвѣтшаютъ добро и зло.
 Жертва иль преступленіе
 Будутъ мыслиться, какъ число,
 Какъ до конца, изслѣдованное явленіе,
 Всѣ начала и всѣ концы
 Опредѣлятся для послѣднихъ споровъ,
 Вдохновенные зодчіе воздвигнутъ дворцы,
 Для картинъ, для женщинъ, для научныхъ приборовъ.
 И какой-то геній среди колбъ и книгъ,
 Послѣ долголѣтняго усердія,
 Воскликнетъ восторженно: «Я постигъ
 Безсмертіе».
 Отъ жизнедарнаго элексира,
 Зацвѣтетъ мечта между звѣздныхъ дорогъ,
 И въ творчествѣ новаго міра,
 Явитъ себя «Человѣчество — Богъ».

Александръ Рославлевъ.

ОРАНЖЕВАЯ КНИГА.

(Новѣйшій сборникъ дипломатическихъ документовъ.)

№ 1.

Русскому министру иностранныхъ дѣлъ отъ губернскаго комиссара.

ТЕЛЕГРАММА.

Сегодня говорилъ съ предсѣдателемъ мѣстнаго исполнительнаго комитета. Онъ показалъ мнѣ приказъ о мобилизаціи. Общественное мнѣніе сильно возбуждено противъ Россіи. Глава мѣстныхъ активистовъ Сенька Фейерверкъ требуетъ немедленнаго объявленія войны. Акушерка Сарра Пироксилинчикъ настаиваетъ на передачѣ спора гаагскому трибуналу. Прошу телеграфировать срочныя инструкціи.

Подпись.

№ 2.

Губернскому комиссару отъ министра иностранныхъ дѣлъ.

ТЕЛЕГРАММА.

Временное правительство согласно обратиться къ третейскому суду. Соответствующее представленіе сдѣлано правительству Чили и Сіама, — державамъ посредницамъ.

Подпись.

№ 3.

М-ру и. д. отъ губ. комиссара.

ТЕЛЕГРАММА.

Положеніе осложняется. С. Пироксилинчикъ настаиваетъ на предоставленіи международной гарантіи. На пленарномъ засѣданіи мѣстнаго исполнительнаго комитета, сельскохозяйственнаго общества и комитета по борьбѣ съ эпидемическими заболѣваніями выставлено требованіе солидарной гарантіи нейтралитета. Срочно сообщите желаемыхъ гарантовъ.

Подпись.

№ 4.

Губ. комиссару отъ м-ра и. д.

ТЕЛЕГРАММА.

Никарагуа и Лабуанъ.

Подпись.

№ 5.

М-ру и. д. отъ губ. ком-ра.

ТЕЛЕГРАММА.

Лидеры большевиковъ Пупенко и Дувевъ отклонили Лабуанъ. Никарагуа поддерживается незначительной частью умѣренныхъ, во главѣ съ делегаціей фармацевтовъ. Сообщите измѣненія гарантовъ.

Подпись.

№ 6.

Губ. комиссару отъ м-ра и. д.

ТЕЛЕГРАММА.

Предложите Гузарчику Коста-Рику.

Подпись.

№ 7.

М-ру и. д. отъ губ. ком-ра.

ТЕЛЕГРАММА.

Кризисъ неминуемъ. Сегодня толпа сожгла портретъ членовъ Временнаго Правительства. Мѣстныя газеты помѣщаютъ враждебныя Россіи статьи: «Долой имперіалистическую политику Россіи!», «Россія—вѣковой жандармъ Европы!», «Мы должны объявить войну, некультурному, азиатскому государству», «Къ оружію, дѣти родины!» Авторъ статьи г. Гамлетъ и мѣстный фельдшеръ г. Мефистофель требуютъ немедленнаго открытія военныхъ дѣйствій. Архивъ упакованъ, и наша миссія готова къ отъѣзду. Предсѣдатель Сенька Фейерверкъ завѣрилъ меня, что, несмотря на разрывъ дипломатическихъ сношеній, всѣмъ членамъ миссіи будетъ обеспечено право экстерриториальности.

Подпись.

№ 8.

М-ру и. д. отъ губ. ком-ра.

ТЕЛЕГРАММА.

Въ часъ дня мнѣ врученъ текстъ объявленія войны, который и сообщаютъ:

«Агрессивная имперіалистическая политика Россіи, направленная противъ нашего отечества, съ давнихъ лѣтъ угрожаетъ миру и спокойному развитію нашей страны. Доводимъ до свѣдѣнія Временнаго Правительства, что наша республика считаетъ себя съ сегодняшняго дня въ состояніи войны съ Россіей». Къ объявленію войны приложенъ списокъ предметовъ абсолютной контрабанды:

- 1) обувь,
- 2) фотографіи членовъ Временнаго Правительства,
- 3) орфографическіе словари и
- 4) вязаныя издѣлія.

Завтра выѣзжаю со всѣмъ составомъ миссіи.

Подпись.

№ 9.

М-ру и. д. отъ губ. ком-ра.

ТЕЛЕГРАММА.

Въ дополненіе къ донесенію № 8 спѣшу сообщить, что мобилизація закончилась. Призваны всѣ бѣлобилетники, а также менониты, достигшіе 65-лѣтняго возраста и беременныя женщины. Главнокомандующимъ назначенъ Пупенко; начальникъ штаба — С. Пироксилинчикъ. Войска от-правляются къ праницѣ. Декретомъ правительства на все время войны приостановлено дѣйствіе конституціонныхъ гарантій. Миссія выѣзжаетъ. Возможны уличныя эксцессы.

Подпись.

№ 10.

Отъ главнаго врачебнаго управленія старшему врачу губернской больницы.

ТЕЛЕГРАММА.

Согласно донесеніямъ комиссара о состояніи губерніи, — немедленно примите мѣры противъ сепаратистовъ: душъ Шарко, водолѣченіе, рубашки для нервныхъ, токи Д'Арсон-валя. Кредитъ переведемъ. Требуйте подкрѣпленій отъ уѣздныхъ психіатрическихъ больницъ.

Подпись.

Бор. Мирскій.

НА МАРСОВОМЪ ПОЛѢ.

На площади шумливой городской
Ихъ погребли, воздавши за геройство.
Къ другимъ приходитъ съ вѣчностью покой,
Имъ вѣчное досталось безпокойство.

По площади проѣзжей то и знай,
Капризъ кокотокъ гонить экипажи,
Скользятъ авто, спѣшитъ плебей-трамвай.
И будни ткуть узоръ несложной пряжи.

Въ ея сѣтяхъ за часомъ вязнетъ часъ,
Отъ мутныхъ водъ клубится паръ, какъ въ банѣ,
И съ завистью глядишь на желтый квасъ,
Въ запыленномъ покрытомъ марлей жбанѣ.

Мостятъ... торгуютъ... будничная быль!
Минутный вѣтеръ дѣланно неистовъ,
И обдаетъ клубящаяся пыль
Велосипеды рѣзвыхъ гимназистовъ.

Увядшіе засохшіе вѣнки,
Поблекшія, истрепанныя ленты...
Стыдливый вздохъ сочувственной тоски
Сюда несутъ заѣзжіе студенты.

Глядятъ на землю, на дорожный
хламъ
И — дальше въ путь. И снова
люди, люди —
Торопятся по будничнымъ дѣ-
ламъ
И некогда подумать имъ о чудѣ.

А чудо было. Пыльные вѣнки
Шуршатъ о ней, чудесной этой
были, —
Какъ «русскіе простые мужики»
Капризную свободу полюбили.

Въ одинъ изъ дней, неожиданно,
налегкѣ
Она пришла, прекрасна, какъ
когда-то,
Въ православномъ фригійскомъ
колпакѣ,
Любовница Дантона и Марата

Рис. С. Чехонина.

Взглянула: городъ тюремъ и оградъ.
— Ну, ничего, — сказала, — это выжжемъ!
И вотъ уже угрюмый Петроградъ
На мигъ, на часъ веселымъ сталъ Парижемъ.

И чернь, отъ счастья спятивши съ ума,
Для «Марсельезы» бросила «Разлуку».
И царскихъ вѣдомствъ желтые дома,
Съ себя стряхнули царственную скуку.

Предъ царскимъ домомъ царскій дрогнуть столпъ,
Мятежныхъ толпъ завидя натискъ быстрый, —
И вотъ уже на милость этихъ толпъ
Сдаются блѣднлицы министры.

А женщина въ фригійскомъ колпакѣ,
Скользя, ведетъ полки влюбленныхъ армій.
Ея колпакъ увидѣвъ вдалекѣ,
Окошки распахнулись въ казармѣ.

Пришла къ Невѣ, на каменный причаль.
Растетъ огонь, Литовскій замокъ лижетъ...
Она жъ — ее такую я встрѣчалъ
Въ сѣдыхъ кварталахъ стараго Парижа! —

Въ сіянии блекломъ сѣверной зари
Горитъ колпакъ — дитя парижской моды,
Прекрасный цвѣтъ! Клянутъ его цари,
Но чтятъ порабощенные народы.

Всесильнымъ мстя, чтобъ слабыхъ пожалѣть,
Спокойная средъ залповъ и пожарищъ,
Тому, надо кѣмъ вчера свистѣла плеть,
Она сказала ласково: «Товарищъ!»

И всѣмъ понятна пламенная рѣчь,
Простая рѣчь веселой дальней гостии.
— Эй, часовой! За мной. Кого стеречь? —
И часовой бросаетъ постъ безъ злости.

И вотъ она со свитой во дворцѣ,
Гдѣ мраморъ лѣстницъ топчетъ чернь впервые.
— «На караулъ!» Съ задоромъ на лицѣ
Она глядитъ, какъ медлятъ часовые.

Шаля, розеткой увѣнчала штыкъ.
Вѣнецъ — подъ стулъ, порфиру — наизнанку!
Солдатъ, матросъ, рабочій и мужикъ
Въ веселую влюбились чужестранку.

А полюбивъ, въ нездѣшній мѣръ ушли,
Отдали жизнь свѣтло, легко и просто
За милый взглядъ, за пядь сухой земли
Ихъ необычно шумнаго погоста.

Трамвайные рокочутъ провода,
Шуршатъ пролетокъ легкія ко-
леса,
И еле слышно плещется вода
У грязнаго пологого откоса.

Молчатъ гробы подъ лентами
вѣнка —
Святая дань кровавому по-
хмѣлью.

А рядомъ грекъ съ узорнаго
лотка
Запыленной торгуетъ кара-
мелью.

.....

Эммануиль Германъ.

Н О Ч Ь.

Благодаря какой-то оказии,
 Пожили мы со свѣтлой Европой.
 Ну и будетъ, а теперь на задворки Азіи,
 Словомъ, что дадутъ, то и лопаи.
 Ближе къ самоѣдамъ, киргизамъ, якутамъ;
 Попросимъ вѣжливо: «Подвиньтесь, товарищи,
 Зѣвали мы долго то тутъ, то тамъ,
 Ну, вотъ теперь нишкни, не верещи!»
 Въ зимніе вечера, подъ вой метели
 Мы расскажем вамъ, что мы на смерть ранены,
 Объяснимъ панславизма великія цѣли,
 А вы намъ дайте поглотать баранины.
 Не гоните на холодъ, подъ метельные саваны,
 Мы смирные, — поговорить только дайте.
 Мы болтовней на всѣхъ митингахъ отравлены,
 Мы славяне-мечтатели, насъ не презирайте!
 О мирѣ всего міра мечтаемъ, — а руки, какъ плети.
 О красотѣ мечтаемъ, зарывшись носами въ помойки,
 О милосердіи, — а кругомъ измученныя дѣти,
 О постѣ и молитвѣ — у кабацкой стойки.
 Скребя голову вшивую, мечтаемъ о парижскихъ куа-
 ферахъ

Отъ чумы подыхая, вспоминаемъ Берлина клиники,
 И говоримъ со злобой во взорахъ:
 «Зато мы мечтатели, а они алтынники!»
 Эхъ, все равно, кто хлыстомъ, англичанинъ, америка-
 нецъ ли
 Прогуляется по спинѣ, рабствомъ согбенной,
 Заковавъ крѣпко въ капитала панцыри
 Наше тѣло усталое съ душою сонной.
 Скажемъ, на заводахъ Европы, подъ пѣнье Интерна-
 ционала:
 «Восемь часовъ работая, создали хлысть рабочіе,
 Это не ременная плеть, которой насъ татарва хлестала
 И многіе другіе прочіе...
 Не будь спины нашей, чѣмъ бы рабочіе-то жили?
 За Европу мы готовы хоть въ тиски,
 Для нея и спины наша, и совѣсть и жилы,
 Бейте, а намъ дайте прощать и каяться!»
 А самоѣдъ скажетъ: «Ишь, какъ надрывается» —
 И дастъ поглотать хвостъ трески.

А. Радаковъ.

ВОЙНА ВООБЩЕ.

Фельетонъ Арк. Бухова.

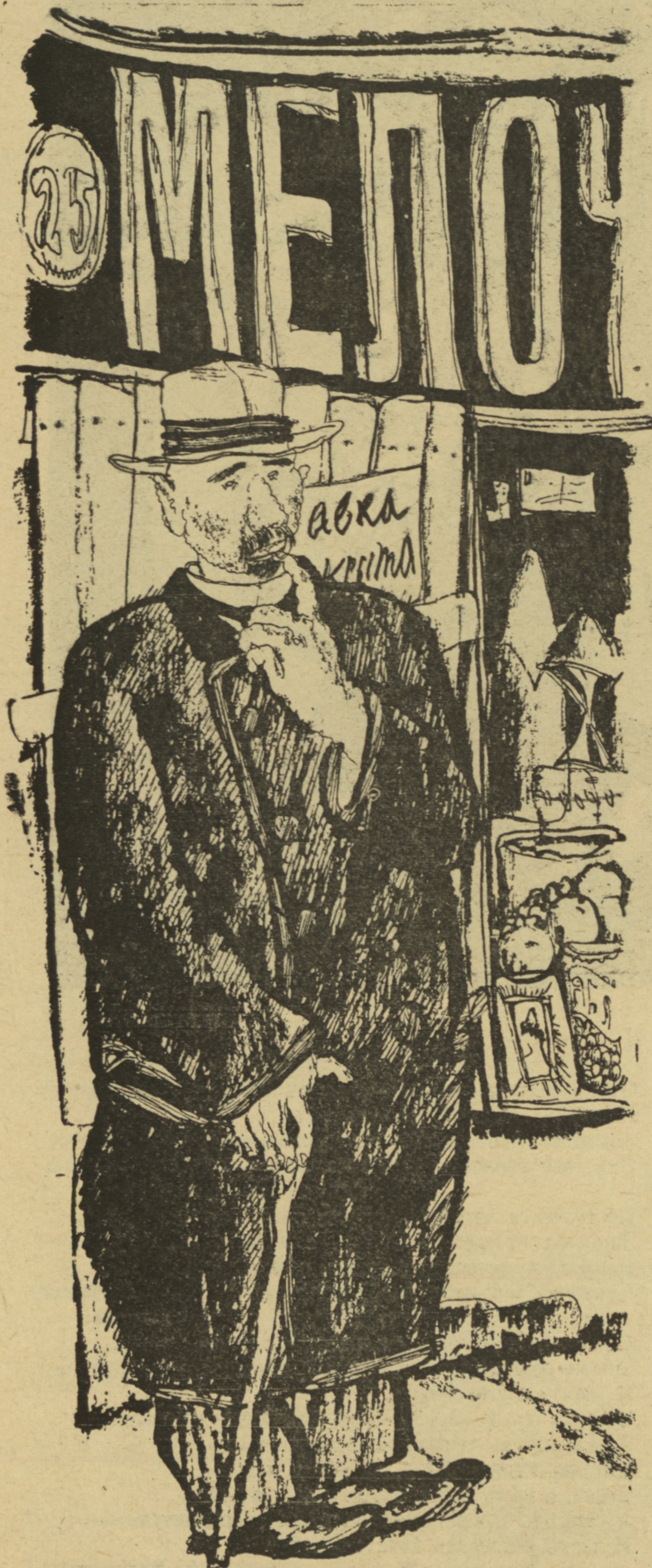
Первый человекъ, который выдумалъ войну, носилъ чрезвычайно краткое и легко запоминаемое имя: Каинъ.

Онъ первый рѣшилъ принципиальный споръ наиболее острымъ и рѣшительнымъ способомъ: — взявъ большой камень, ударилъ имъ по братней головѣ и весело успокоился:

— То-то и оно-то... И весь разговоръ тутъ.

Это такъ понравилось послѣдующимъ поколѣніямъ, что

Рис. В. Лебедева.

ЧЕЛОВѢКЪ НЕ ОТЪ МИРА СЕГО.

— Лавочница сказала мнѣ, что до тѣхъ поръ не дастъ сахару, пока я не принесу ей своей карточки... Гм! Неужели, моя наружность ей такъ понравилась?

люди начинали уже разучиваться говорить, какъ слѣдуетъ, еще не приучившись дѣлать это безъ особаго труда.

Первобытные ученые, изслѣдуя своихъ современниковъ, неоднократно обращались къ нимъ съ вопросами:

— Ты что же, говорить-то умѣешь?

Опрашиваемые самодовольно показывали на пазуху, за которой лежалъ увѣсистый камень, и резонно отвѣчали:

— На мой вѣкъ и камней хватить. Что я даромъ языкъ-то трепать стану.

Недаромъ былъ такой періодъ, который называли каменнымъ. А для того, чтобы вообще упразднить языкъ, мѣшавшій внушенію камнемъ, придумали даже особое вавилонское столпотвореніе, родъ національнаго праздника, во время котораго хотѣли смѣшать всѣ языки и похоронить ихъ по четвертому разряду за ненадобностью.

Потомъ наступила желѣзная эпоха, когда убивали желѣзомъ.

Потомъ бронзовая, — убивали бронзой. Былъ кажется и золотой вѣкъ, когда били другъ друга по головамъ золотомъ, но найдя это невыгоднымъ, золотой вѣкъ упразднили явочнымъ порядкомъ. Убивать стали, придерживаясь принципа разумной экономіи: чѣмъ попало.

Нарождающееся человѣчество охотно приняло эту систему. Оно позволило въ каждомъ государствѣ прочно основаться веселымъ шайкамъ бездѣльниковъ, которые на вопросъ о томъ, что они дѣлаютъ, гордо отвѣчали:

— Въ частности сейчасъ ничего. А вообще — убиваю.

Это очень импониовало всѣмъ. Ихъ кормили на казенный счетъ и хоронили съ музыкой. Отсюда и любимая пословица людей, занятыхъ болѣе низкой работой — наукой, искусствомъ, литературой:

— Умирать, такъ съ музыкой.

Если вдругъ внезапно появлялся какой-нибудь смысленный человекъ и публично заявлялъ, что если не будетъ специальныхъ людей для убійства, то не будетъ и самыхъ убійствъ, его быстро и аккуратно вѣшали, а тѣ, о комъ онъ говорилъ, обиженно жаловались:

— Ну знаете, если еще въ мирное время вѣшать публику придется, этакъ и устать можно. Прибавку.

Имъ прибавляли и втайнѣ даже гордились.

— У насъ, братъ, не какъ у другихъ. Это, можетъ, у сосѣдей всѣ обабилась и рѣпу сѣютъ, а у насъ, братъ, почитай что на трехъ мужчинъ одинъ на убійство приученъ. У насъ, братъ, ихъ во...

Поэтому въ древнемъ Римѣ воевали все время, такъ какъ воины обижались.

— Что же это за издѣвательство? Хлѣбъ сѣять, такъ это каждый годъ, книги писать, такъ это все время, а воевать, такъ это черезъ десять лѣтъ? Извините-сь, не для этого обучались...

И римляне должны были держать специальный сенатъ, который, не покладая рукъ, придумывалъ причины для новыхъ войнъ. Если это ему не удавалось, весь трудъ падалъ на плечи императора, которому приходилось выдумывать всяческія оскорбленія для другихъ владыкъ, чтобы вызвать ихъ на объявленіе войны.

— Поѣзжай къ Киру персидскому и скажи ему, что онъ старая хромая собака, — приказывалъ римскій императоръ своему послу, — только говори громче, чтобы всѣ слышали. А по дорогѣ рассказывай всѣмъ, что ѣдешь къ старой хромой собакѣ.

— Говорилъ ужъ ему. Четыре раза.

— А онъ что?

— Киръ-то? Персидскій? Хоть бы что. Отъ собаки, говорить, и слышу.

— Странно... Можетъ быть, его слѣпымъ ужомъ назвать?

— Поди ужъ называли его...

— А жену ты его не пробовалъ тухлой гадукой называть?

— Это еще нѣтъ.

— Вотъ и бѣги. Не могу же я, чтобы войско застаивалось...

Не лучше этого было и въ средневѣковье. Если у короля былъ катарръ желудка, или катарральныи бронхитъ, что мѣшало нарастанію въ королевской душѣ равновѣсія, больше половины его подданныхъ умирало естественной для того времени смертью: съ мечемъ въ животъ или съ головой на чужой пикѣ. При чемъ были такіе моменты, когда король чувствовалъ себя виноватымъ за такую колонизацію окраинныхъ кладбищъ свѣжими покойниками, но добрые народы,

снисходя къ монаршей слабости, только напращдали его со-
ответственными прозвищами, чтобы исторія этого не забыла:

— Арчибальдъ, львиная печенка.

— Генрихъ, кровавый хвостъ.

Являлись и въ это время наивные люди, которые, напи-
савъ дома завѣщаніе, отправлялись къ любимому монарху и
спрашивали:

— Ты зачѣмъ объявилъ войну?

Такъ какъ монархъ все равно былъ увѣренъ, что че-
резъ полчаса его собесѣдника повѣсятъ, онъ не отвѣчалъ:
«А тебѣ какое дѣло», а вступалъ въ перереканія.

— Какъ же не объявлять? Этотъ самый Ханрузъ
XIX заявилъ, что моя средняя дочь косая дура.

— А развѣ это не такъ?

— Кто же этого не знаетъ...

— Такъ можетъ миромъ можно кончить дѣло? Посла-
ли бы мы къ нимъ толковаго человѣка, высваталъ бы онъ
твою дочь за Ханруза, дали бы ему въ приданое...

Бѣда была вся въ томъ, что глазнымъ образомъ оби-
жался не самъ король или его косая дочь, а тѣ, кто беспла-
тно столовался во дворцѣ и выгодно снабжалъ армию ремеш-
ками и наколѣбниками, или перьями въ шлемы. Эти люди
и настаивали на войнѣ до полной побѣды.

Черезъ два года, если побѣждалъ Ханрузъ, выходила
декларация, что Ханрузъ XIX былъ правъ и средняя дочь ко-
роля Нунехія дѣйствительно косая и пузатая, въ чемъ дается
ручательство за государственной печатью, или, если Ханрузу
обрывали голову, объявлялось, что вопреки инсинуаціи вра-
га и Нунехія оба глаза внѣ всякихъ подозрѣній, что же ка-
сается ея ума, то она даже написала цѣлую поваренную кни-
гу въ стихахъ.

Отъ всѣхъ этихъ принципиальныхъ разногласій страдало
только тысячъ 50—60 не причастныхъ къ королевскому дому
людей, но родственники ихъ гордились этимъ и писали на
могильныхъ памятникахъ:

— Климентій Лapidусъ, умеръ героемъ, доказавъ, что
косая Нунехія не косая.

Одно время войнѣ стало сильно мѣшать христіанство,
но опытные земные владыки умѣло обошли этотъ камень
преткновения, сдѣлавъ христіанство господствующей религіей
и вѣшая во имя его еще неопытныхъ въ религіи людей. До
сихъ поръ еще свѣтлый ликъ Христа не поборолъ темную
морду войны.

Когда наступило новое время и одинъ досужій монахъ,
который спасался отъ міра, только для того, чтобы сдѣлать
этому міру пакость (еще бы послѣ этого не спастись), вы-
думалъ порохъ, — война сдѣлалась общимъ достояніемъ.

Поумнѣвшее человѣчество вырвало монополию на войну
изъ рукъ королей и теперь войну можетъ объявить по от-
дѣльности: а) король, б) буржуазія, с) демократія. Могутъ
объявлять ее и всѣ вмѣстѣ. Отъ этого ничего не измѣняется,
и умираютъ все равно тѣ, кто войну не объявляли.

При обилии на милитаристическомъ столѣ взрывча-
тыхъ веществъ и средствъ для легчайшаго истребленія еще
не самоопредѣлившихся народовъ, большинство войнъ нова-
го времени было нѣчто въ родѣ завтрака а-ля фуршетъ. Го-
сударство подбѣгало къ столу, хватало вновь изобрѣтенный
снарядъ или газъ и убѣгало домой съ кусочкомъ чужой тер-
риторіи. И только послѣдняя война явилась тяжелымъ ужи-
номъ, послѣ котораго трудно подняться, — въ головѣ шумъ,
въ ногахъ тяжело, кто-то забылъ на вѣшалкѣ корону, а если
кто-либо изъ ужинающихъ поднимется, сейчасъ же прине-
сутъ общій счетъ и всѣмъ придется расплачиваться...

Счетъ не будетъ разбираться, кто кого звалъ на ужинъ
и кто здѣсь угощаетъ, а кто проѣдался на шермака: общій
итогъ отъ этого не уменьшится...

Есть утѣшеніе, что эта война будетъ послѣдней. Должно
быть при этомъ подразумѣваютъ, что отъ этой войны до
слѣдующей никакихъ больше не будетъ. Весьма воз-
можно...

* * *

Пройдетъ много, очень много лѣтъ до тѣхъ поръ, пока
человѣчество наконецъ пойметъ, что только тогда умретъ
война, когда вмѣсто поднятаго камня Каина раздатся простое
человѣческое слово, полное логики и не вибрирующее кле-
котомъ крови... И если есть сейчасъ люди, которые уми-
раютъ наивно и свято во имя вѣры, что это время уже близ-
ко, — только передъ ними, только передъ умирающими во
имя отрицанія войны готовъ я склонить голову. Только ихъ
поступокъ великъ и только ихъ кровь жертвенна.

Арк. Буховъ.

СТУПЕНИ.

Бѣлобилетникъ Лбовъ Антонъ
Жуиромъ прожилъ вѣкъ сей:
Воюетъ до побѣды онъ
И требуетъ аннексій...
Иныхъ не зная спорныхъ мѣсть
(«Вы Польшу сами ѣшьте!»)
Онъ видитъ на Софіи крестъ
И крестъ на Будапештѣ...
Гораздо болѣе терпимъ
Иванъ Ивановъ Ренинъ,
Онъ на учетъ попалъ и съ нимъ
«Учетныхъ сталъ воззрѣній
Бойся онъ сильнѣй всего,
Аннексій отчего-то.
Вдругъ аннексируютъ его
Съ почетнаго учета...
Зато Мардарій Каланча
(Отсрочка на исходѣ)
Вопить: «Пора войну кончать!»
Чуть вспомнить о Стоходѣ...

Такъ зло дерясь изъ-за куска,
Вопить въ тылу здѣсь заваль,
А тамъ въ окопахъ есть войска,
Они сказать не въ правѣ ль
Куда зовутъ они страну
И что они желаютъ?
Но... тамъ безъ словъ несутъ войну,
Безъ партій — умираютъ!..

Сергій Михѣевъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Государственная измѣна.

Съ чувствомъ глубокаго прискорбія извѣщаемъ, что, по
имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ изъ газеты „Интернаціоналистъ“,
министръ Керенскій обвиняется въ организаціи наступленія,
что сильно способствуетъ созданію мощи и увеличенію бое-
способности нѣмецкой арміи.

По крайней мѣрѣ упомянутая газета пишетъ:

... Организуется духъ нѣмецкой арміи. Смутилъ ея покой
Керенскій своею проповѣдью наступленія. Встревожились нѣмецкія
сердца передъ новой опасностью, и опять многіе тѣснѣ примкнули
къ Вильгельму.

Такъ Керенскій своею проповѣдью наступленія вноситъ раздоръ
въ русскую армію и сплачиваетъ нѣмецкую. Талантливый, полезный
министръ...

Нѣтъ не оставилъ еще старый нѣмецкій богъ своего вѣрнаго
императора Вильгельма.

И такой человѣкъ какъ Керенскій все еще гуляетъ на
свободѣ, а такой министръ, какъ Сухомлиновъ, сидитъ...
Гдѣ же справедливость?..

Интернаціонализмъ — очень красивое идейное теченіе.
Но въ рукахъ русско-заграничныхъ головоотяповъ онъ все равно,
что дохлая собака на бронзовой статуѣ: пахнетъ и некрасиво.

Піявки.

Недавніе друзья Сухомлинова, печатавшіе отъ имени
редакціи его статьи, веселые служающіе г. Проппера —
„Биржевыя Вѣдомости“ — занялись очереднымъ полувыгоднымъ
ремесломъ: клеветой на все, носящее на себѣ печать революціи.
Только что счерносотенствовалъ по поводу Мануйлова —
кадетскаго министра, газета весело мчитъ клеветнуть и безъ
всякаго повода.

А результатъ получается такой, что газета принуждена
сѣчься публично, въ присутствіи подписчиковъ и розничныхъ
читателей, сама помѣщая такую замѣтку:

Бъ „Бирж. Вѣдомостяхъ“ отъ 19-го іюня появилась замѣтка, что
ночью по Морской улицѣ и Невскому проспекту появился броневой
автомобиль, на которомъ были вывѣшены лозунги: „о немедленномъ
освобожденіи изъ Петропавловской крѣпости бывшихъ предателей
Сухомлинова и Протопопова и немедленнаго преданія ихъ суду“. Автомобиль этотъ подѣхалъ къ зданію Петропавловской крѣпости,
гдѣ пробылъ около четверти часа, возвратился обратно по Троицкому
мосту и скрылся на Васильевскомъ островѣ“. Дивизионный комитетъ
запаснаго бронегового автомобильнаго дивизиона по этому поводу намъ
сообщаетъ, что извѣстіе это — не вѣрно, и что ни одна машина не
можетъ выйти изъ гаража безъ его вѣдома и безъ вѣдома Исполни-
тельнаго Комитета Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Твэновскій редакторъ, который опровергалъ на другой день собственное утверждение, что капуста растетъ на деревьяхъ, былъ хоть веселѣе...

А здѣсь и веселья нѣтъ. Такъ: разлитіе жедчи по долгу службы.

Не поможетъ.

Газеты одновременно сообщаютъ о небываломъ паденіи русскаго рубля въ Финляндіи и о томъ, что

въ Петроградъ пріѣзжаетъ на гастроли гельсингфоргская труппа босоножекъ.

Напрасно думаютъ тронуть насъ этимъ... Босоножки отвергнутого займа не замѣнятъ.

Откликъ.

Когда на другой день послѣ нашего наступленія выступилъ Ллойдъ-Джорджъ и заявилъ, что англичане настаиваютъ теперь на старой программѣ и цѣляхъ войны, населеніе Россіи охватила такая волна недовѣрія, что какая-то красноярская газета даже простое бытовое объявленіе напечатала въ такой формѣ:

ПРОДАЕТСЯ корова съ ручательствомъ. Воскресенская, 55-Полякова.

Если ужъ о коровѣ, какъ о карманныхъ часахъ, приходится выдавать ручательство, какъ же можно вѣрить простому слову имперіалистовъ, что они откажутся отъ аннексій и контрибуцій...

То же самое.

Многіе интересуются вопросомъ, что такое сверхъестественная военная прибыль. Для того, чтобы вывести это понятіе изъ области мистики, печатаемъ такую телеграмму изъ Одессы:

Продовольственный комитетъ, опечатавающій мануфактурные склады, извѣщенъ, что товары спрятаны и въ частныхъ квартирахъ. Произведенные обыски обнаружили значительные запасы. Товары реквизированы. Выясняется, что мануфактурная фирма Котляревскаго, съ основнымъ капиталомъ въ одинъ миллионъ, заработала въ текущемъ году 3.000.000 рублей.

Это все равно, что, имѣя въ карманѣ двугривенный, схватить сочнаго буржуа за горло, вырвать у него бумажникъ, а потомъ скромно заявить: „Мое предпріятіе не только оправдываетъ самого себя, но начинаетъ уже давать дивидендъ“. Разницы никакой.

Особенно это весело, когда такими фирмами хватается за горло вся Россія.

Лишнее.

Для отвѣтственнаго дѣла необходимъ всегда специалистъ. Очень печально, если красить полъ приходится молотобойцу, а выдувать стекло трамвайному кондуктору.

Защищать Сухомлинова будетъ прис. пов. А. А. Захарьинъ, хорошо извѣстный, какъ экспертъ по дѣламъ о подлогахъ документовъ.

Зачѣмъ здѣсь понадобился этотъ экспертъ, когда все такъ ясно — вплоть до нѣмецкихъ подписей на денежныхъ переводахъ?

Районное.

Повидимому большевики, такъ недавно избившіе одного эсъ-эра во время предвыборныхъ споровъ, не успѣли привить массамъ надлежащаго способа конкуренціи.

По крайней мѣрѣ газета сообщаетъ:

Своеобразные театральные нравы царятъ на ст. Сиверской. Въ этой небольшой дачной мѣстности существуютъ три театра. Конкуренція ихъ доходитъ до того, что антрепренеры назначаютъ спектакли въ одни и тѣ же дни и ставятъ однѣ и тѣ же пьесы. Кромѣ того конкуренты не брезгаютъ также и слѣдующимъ способомъ борьбы. Стоитъ какому-нибудь театру вывѣсить афишу о своемъ предстоящемъ спектаклѣ, какъ его афиша заклеивается другой афишей конкурирующаго театра. Въ виду этого каждый изъ театровъ боится заблаговременно выпускать афиши, чтобы не оказаться „заклееннымъ“. Въ результатѣ афишъ часто совсѣмъ не вывѣшиваются, что отзывается на сборахъ.

Не прощали было наиболѣе догадливому конкуренту поджечь театры, мѣшающіе ему работать, и поселиться на дачѣ Дурново. Дешево и сердито.

КАЖЕТСЯ, КЛЮЕТЪ.

Рис. В. Лебедева.

Николай II: — Читала, Сашенька, сегодняшнія газеты? Здорово поправѣла публика!.. Глядишь, этакъ пройдетъ мѣсяца два-три, мы опять корону себѣ и выудимъ.

Н Ъ Т Ъ Б О Л Ь Ш Е В И Н А .

Рис. Н. Радлова.

— Граждане! Именно теперь и настала тотъ моментъ, когда все вино должно быть разъ навсегда уничтожено, и уже есть опредѣленныя свѣдѣнія изъ провинці!..

... Что населеніе горячо отнеслось къ этому культурному свѣтлому начинанію.

ДЕСЯТЬ МИЛЛІОНЕРОВЪ.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

— Товарищи! — билъ себя въ грудь (и по заслугамъ) Ленинъ. — Я предлагаю вамъ вѣрное средство для разрѣшенія финансоваго кризиса! Арестуйте просто десятокъ-другой буржуевъ-милліонеровъ и пусть они выдадутъ намъ секреты своего обогащенія!

— Вѣрно, — ревѣла толпа. — Правильно!

— Товарищи! я васъ назову ослами и идиотами. . .

— Правильно! Вѣрно, — ревѣла восторженная толпа. — Тонко подмѣчено!

— . . Назову васъ ослами и идиотами, если вы упустите такой хорошій случай: разузнать источники и происхождение колоссальныхъ богатствъ, награбленныхъ капиталистами-милліонерами! Въ тюрьму ихъ! Къ допросу! Пусть признаются!

Моментъ былъ благопріятный: поблизости не было никого изъ министровъ, кто могъ бы запротестовать противъ такого остроумнаго разрѣшенія финансовой проблемы: министры-соціалисты сидѣли по казармамъ нѣкоторыхъ запасныхъ полковъ и убѣждали товарищей солдатъ, что продажа необандероленныхъ папирозъ и непрерывная ѣзда въ трамваѣ не являются однимъ изъ средствъ уничтоженія живой нѣмецкой силы на фронтѣ. Министры-буржуи были вызваны на митингъ работниковъ самоварнаго цеха, гдѣ должны были дать объясненія: за сколько они запродались анлійскимъ империалистамъ и почему эти деньги не обращены въ пользу трудящихся. . . Министръ юстиціи Переверзевъ со сбившейся на затылокъ шляпой, выльзшимъ сзади галстукомъ и мокрыми растрепанными волосами метался по всему городу, отыскивая очередную квартиру для очередной партіи а. в. (анархистовъ-взломщиковъ) — однимъ словомъ, всѣ министры были заняты своими дѣлами и имъ было не до Ленина.

А Ленинъ былъ тоже не дуракъ и, какъ говорится, парень себѣ на умѣ. Замѣтивъ, что надзора за нимъ нѣтъ, онъ проревѣлъ съ балкона свою вышеприведенную рѣчь, подмигнувъ кому слѣдуетъ — и въ слѣдующую же минуту настроенная толпа вихремъ помчалась приводить въ исполненіе демократическое предложеніе своего идейнаго вождя.

Полчаса спустя, — десять самыхъ богатыхъ, самыхъ матерыхъ и отборныхъ капиталистовъ, со скрученными на спинѣ руками уныло предстали передъ трибуналомъ, руководимымъ все тѣмъ же прилежнымъ, вездѣсущимъ и всевѣдущимъ Ленинымъ.

— Ну-съ, ребятушки, — избочась, усмѣхнулся Ленинъ. — Погуляли вы на волѣ, попили нашей кровушки да и будя.

— Вѣрно, — проревѣла толпа. — Будя! Правильно.

— Исходя изъ этого, — началъ Ленинъ.

— Вѣрно, — подхватила непрехотливая толпа. — Правильно сказалъ! Именно, что «исходя изъ этого!» Такъ ихъ и надо! Исходи ихъ покрѣпче.

— Исходя изъ этого и не видя другихъ путей. . .

— Во-во! Именно что, путей! Правильно говоритъ онъ: другихъ! Не видя другихъ путей и больше никакихъ гвоздей!

— Дайте же мнѣ слово сказать, — взмолился Ленинъ. — Что за хамство. . .

— Вѣрно, хамство! Правильно сказано: дайте же мнѣ слово! Не бойся, товарищъ! Поддержимъ!

— Однимъ словомъ, господа, капиталисты, я отъ имени революціоннаго пролетаріата требую, чтобы вы указали намъ источники вашего обогащенія.

— А зачѣмъ вамъ это, господа? — несмѣло спросилъ самый крупный капиталистъ.

— А затѣмъ, — сказалъ одинъ черный, какъ жукъ, утрюмый большевикъ, — что мы всѣ равны и то, что извѣстно вамъ, должно быть извѣстно и намъ. Мы такіе же люди, какъ и вы и тоже, можетъ быть, хотимъ сдѣлаться милліонерами!

— Да вѣдь у насъ особыхъ секретовъ нѣтъ.

— Ну, да, — тоже! Знаемъ мы, — нѣтъ! Даромъ же, зря, изъ воздуха деньги не возьмутся, — какъ-нибудь вы ихъ сдѣлали. Говорите!

— Говори, падаля! — зашумѣла веселая толпа. — Говори, какъ сдѣлался милліонеромъ.

— Хорошо, — вздохнулъ милліонеръ. — Слушайте. . .

И вся толпа притихла такъ, что слышно было лишь тяжелое прерывистое дыханіе чернаго жукообразнаго большевика.

Нервы всѣхъ напряглись, какъ струны, — вотъ сейчасъ они сами, своими ушами услышатъ, узнаютъ секретъ богатства, тотъ таинственный и сладкій «сезамъ», который долженъ передъ каждымъ изъ нихъ открыть золотыя двери роскоши, уюта и благоденствія.

— Тссс! Не сопи ты носомъ, бегемотъ несчастный!

— Кто сопить? Я соплю? Самъ сопишь, а на меня. . .

— Тихо, вы тамъ!

— Говорите!

— Итакъ: началъ я, господа, съ пустяковъ. . . Былъ конторщикомъ въ угольномъ товариществѣ. Получалъ 50 рублей и кое-что откладывалъ. Ну, конечно, приходилось себѣ во многомъ отказывать: пилъ чай съ ситнымъ, иногда покупалъ селедку, по воскресеньямъ изрѣдка доставалъ чего-нибудь мясного и разогревалъ на лампѣ. По вечерамъ чинилъ себѣ сапоги и стиралъ носовые платки, до глубокой ночи сидѣлъ за веденіемъ конторскихъ книгъ одного похороннаго бюро, что давало мнѣ еще рублей 20. . . Такимъ образомъ, черезъ пять лѣтъ у меня скопился капиталецъ въ двѣ тысячи. На эти деньги я, улучивъ удобный моментъ, купилъ по знакомству пять вагоновъ угля и продалъ ихъ въ розницу, нажигъ около тысячи. Дальше — больше. Узналъ рынокъ, приобрѣлъ знакомства. На десятой тысячѣ бросилъ службу и открылъ маленькій складъ лѣсныхъ матеріаловъ. Потомъ купилъ участокъ лѣса на срубъ, хорошо его сплавилъ, расширилъ свой лѣсной дворъ, взялъ два-три представителя, ну и пошло. Теперь имѣю милліоновъ десять.

— И теперь, конечно, ходите, заложивъ руки въ карманы да посовистывааете?

— Не совсѣмъ такъ. Встаю я въ 7 часовъ утра и, наскоро проглотивъ завтракъ, сажусь за корреспонденцію. Работаю до девяти. Въ девять являются мои секретари, докладываютъ всѣ сводки вчерашняго и матеріалы сегодняшняго дня. Занимаемся до 12, въ 12 — мнѣ даютъ московскій телефонъ, и я разговариваю до часу. Въ это же время — второй завтракъ, чтобы не терять времени. Въ часъ ѣду въ свое общество, гдѣ принимаю просителей и бесѣдую по дѣламъ до 4-хъ. Отъ 4 до 5 — обѣдь съ кѣмъ-нибудь изъ дѣловыхъ кліентовъ, а послѣ 5 до 8, работа надъ вечерней корреспонденціей. Въ 8—9, ѣду на какое-нибудь изъ дѣловыхъ засѣданій и, вернувшись въ 11, до 1 работаю со своимъ младшимъ секретаремъ надъ матеріалами завтрашняго дня. Чашка слабаго чаю — и сонъ. Не пью, не курю, въ театрахъ, къ сожалѣнію, бывать не приходится.

Минуты двѣ длилось глубокое, мертвое молчаніе. Предсѣдатель тяжело дышалъ, у президіума на лбахъ выступилъ потъ.

— Вотъ тебѣ! — сказалъ кто-то сзади. — Узнали.

— Вотъ скучища-то!

— Да теперь любой солдатъ въ Петроградѣ живетъ веселѣе и интереснѣе.

— Это сколько же часовъ работы выходитъ? — освѣдомился специалистъ по 8-часовому.

— А вотъ и считай: отъ 7 до часу ночи, — 18 часовъ.

— Ну-ну. Закрутилъ.

— Вотъ те и милліонеръ.

— Къ чертямъ собачьимъ отъ такихъ милліоновъ сбѣжишь. . .

— Н-да-а-а. . . Не по носу табакъ.

— Отпустите ихъ, братцы. Чего зря людей держать. Узнали и хорошо.

— Идите, товарищи-милліонеры!.. Да здравствуетъ 8-часовой рабочій день для васъ!!

— Боритесь за него! Марсельезу!

* * *

А расторопный Ленинъ, потоптавшись немного, влѣзъ на столъ и проревѣлъ:

— Товарищи! Вы замѣчаете, что эти буржуи-капиталисты захватили не только всѣ наши деньги, но и все наше рабочее время!!! Ничего намъ не оставили. . . Вотъ оно — засилье!

Аркадій Аверченко.

ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЕ.

Я съ утра весь день даю уроки,
Не имѣю времени вздохнуть.
Ночью кашель мучаетъ жестокой.
И болитъ надломленная груди...

Круглый годъ съ тупицами-юнцами
Порчу нервы, — Боже, помоги! —
Чтобъ сводить кой-какъ концы съ концами
И стараться не влѣзть въ долги.

Въ ресторанѣ грязненькомъ и скверномъ,
Я обѣдаю, утрюмый, какъ монахъ.
Въ немъ я ѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ экстерномъ
И мечталъ о лучшихъ временахъ...

Оттого и днесъ я дорожу имъ,
Хоть мечты всѣ заросли травой.
А вчера случайно тамъ — «буржуемъ»,
Обозвалъ меня мастеровой.

Эхъ, зачѣмъ стремился я къ наукѣ,
Средь лишений, мытарствъ и невзгодъ...
Взялъ бы лучше съ дѣтства молотъ въ руки
И служить ушелъ бы на заводъ!

Отдыхалъ бы въ праздникъ на бульварѣ:
Получай 15 въ день — и жуй.
О себѣ сказалъ бы: «пролетарій»
И ругнулъ бы нищаго: «буржуй!»

Жакъ Нуаръ.

НЕДОНОШЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

О ВОЙНѢ.

20.

Около двухъ верстъ.

Помню, я былъ очень утомленъ, когда проходилъ мимо этой хлѣбопекарни, но все же, несмотря на усталость, прошелъ отъ нея въ противоположную сторону около двухъ верстъ и все смотрѣлъ, все хотѣлъ разгадать этихъ людей, которые меня и возмущали и смѣшили, но которыхъ все-таки хотѣлось разгадать.

Ихъ было трое. Всѣ они толкали двуколку, доверху нагруженную хлѣбомъ. Впрочемъ, не всѣ. Одинъ шелъ спереди съ книгой подмышкой, другой толкалъ двуколку, а третій шелъ сзади и подымалъ теплые тяжелые хлѣбы, падавшіе съ двуколки въ грязь.

Вотъ это-то и заинтересовало меня.

Сначала было такъ: двуколка покачнулася на ухабѣ, и упалъ одинъ хлѣбъ. Шедшій позади солдатъ, поднялъ хлѣбъ и необыкновенно вяло положилъ наверхъ, на конусомъ набросанные хлѣбы. Спустя двѣ-три секунды упалъ другой хлѣбъ. Шедшій позади точно такъ же поднялъ хлѣбъ изъ грязи и съ той же вялостью положилъ на двуколку, не принявъ никакихъ мѣръ, чтобы хлѣбы больше не падали. Черезъ нѣсколько секундъ опять, съ другой стороны, снова плюхнулся въ грязь хлѣбъ, и опять такъ же или еще болѣе вяло поднялъ его солдатъ.

Меня эта сцена одновременно и удивила и возмутила.

ЗАКОННАЯ ПРИЧИНА.

Рис. Н. Радлова.

— Послушайте, голубчикъ, вѣдь вы же полчаса тому назадъ въ другой манифестаціи несли другой плакатъ съ довѣріемъ Временному Правительству, а теперь...

— Развѣ? А впрочемъ, можетъ быть — я же неграмотный.

РУССКОЕ НАСТУПЛЕНІЕ.

Большевикъ: — Мишенька, милый! Вѣдь такъ ты ему можешь больно сдѣлать!

ВЪ КОЛОДЦѢ.

Люди счастья, люди гордой вѣры,
Вы мнѣ безконечно-далеки.
Выпилъ я безъ счета и безъ мѣры
Чашу скорби, боли и тоски.
Изнемогъ я, не могу бороться
Съ грозной жизнью. Я усталъ въ бою,
Кто-то бросилъ въ глубину колодца
Душу одинокую мою.
Тамъ, въ колодцѣ — ржавчина и тина,
Тамъ, въ колодцѣ — темнота и грязь.
Жизнь и смерть — два маленькихъ кретина
Скачутъ, пляшутъ, надо мной смѣясь.

Будни жизни — злые идиотцы,
Издѣваясь, тихо говорятъ:
Души многихъ брошены въ колодцы,
Обрастаютъ тиной и сидятъ.
Ты — сиди! Вотъ видишь, грязь подъ бокомъ,
Въ ней возится любо дуракамъ.
Смерть тебя придушитъ ненарокомъ,
Ты опнешь на радость червякамъ.
Все равно концы для всѣхъ нелѣпы...
Тлѣнь и тлѣнь, ненужность, суета...
Пусть однимъ — пробницы или склепы,
А другимъ — могилы безъ креста.

Истина одна лишь неизмѣнна:
Отъ земли уходятъ въ землю вновь.
Ты намъ вѣрь: обманчива и тлѣнна
Жизнь, надежда, вѣра и любовь.
Ты сиди... Зачѣмъ тебѣ бороться?..
Не прости, не думай, не мечтай —
— Въ глубинѣ житейскаго колодца
Тиной, тиной, грязью обрастай.
Обрастешь и стануть мысли сѣры
И не будетъ боли и тоски...
Люди счастья, люди гордой вѣры, —
Вы мнѣ безконечно далеки.

Юрій Зубовскій.

„Что они, съ ума сошли, что ли?“ — хозяйственно-обывательски подумалъ я.

Хотѣлось подойти къ нимъ, обругать возможно-крѣпче и сказать единственное, что можно было сказать въ этомъ случаѣ:

— Да что же вы, черти, спите? Вѣдь хлѣбъ-то сами ѣсть будете! Какъ же въ грязь швыряете его. Какъ не стыдно!

Но я ничего не сказалъ: я только слѣдилъ и, слѣдя, прошелъ за двуколкой около двухъ верствъ.

И на всемъ пути, до самой казармы, было то же самое: хлѣбы падали въ грязь, а шедшій сзади солдатъ равнодушно поднималъ ихъ и нелѣпо, неуклюже клалъ на двуколку — такъ клалъ, что хлѣбы на первомъ ухабѣ вновь скатывались.

Наконецъ, я не выдержалъ и подошелъ къ солдатамъ. Я хотѣлъ ихъ распечь. Но — не смогъ: вблизи на меня взглянули такія равнодушныя лица, такія безконечно-угнетенныя усталые глаза, что языкъ не повернулся для упрека.

Все это происходило вблизи крохотной станціи, гдѣ я ждалъ поѣзда. Я ѣхалъ въ уютный безопасный тылъ, а солдаты, расположенные вокругъ станціи, отправлялись на войну. Они по цѣлымъ днямъ лежали сѣрыми глыбами вокругъ станціонныхъ построекъ, каждый день другіе, и мало кто изъ нихъ возвращался въ окровавленныхъ коричнево-сморщенныхъ шинеляхъ.

Меня поразило возмутительное равнодушіе солдата, но, глядя на груды окопнаго мяса, валявшагося повсюду на землѣ, я понялъ, что такое равнодушіе къ жизни, такое равнодушіе къ хлѣбу можетъ быть только у людей, сознательно идущихъ на смерть.

21.

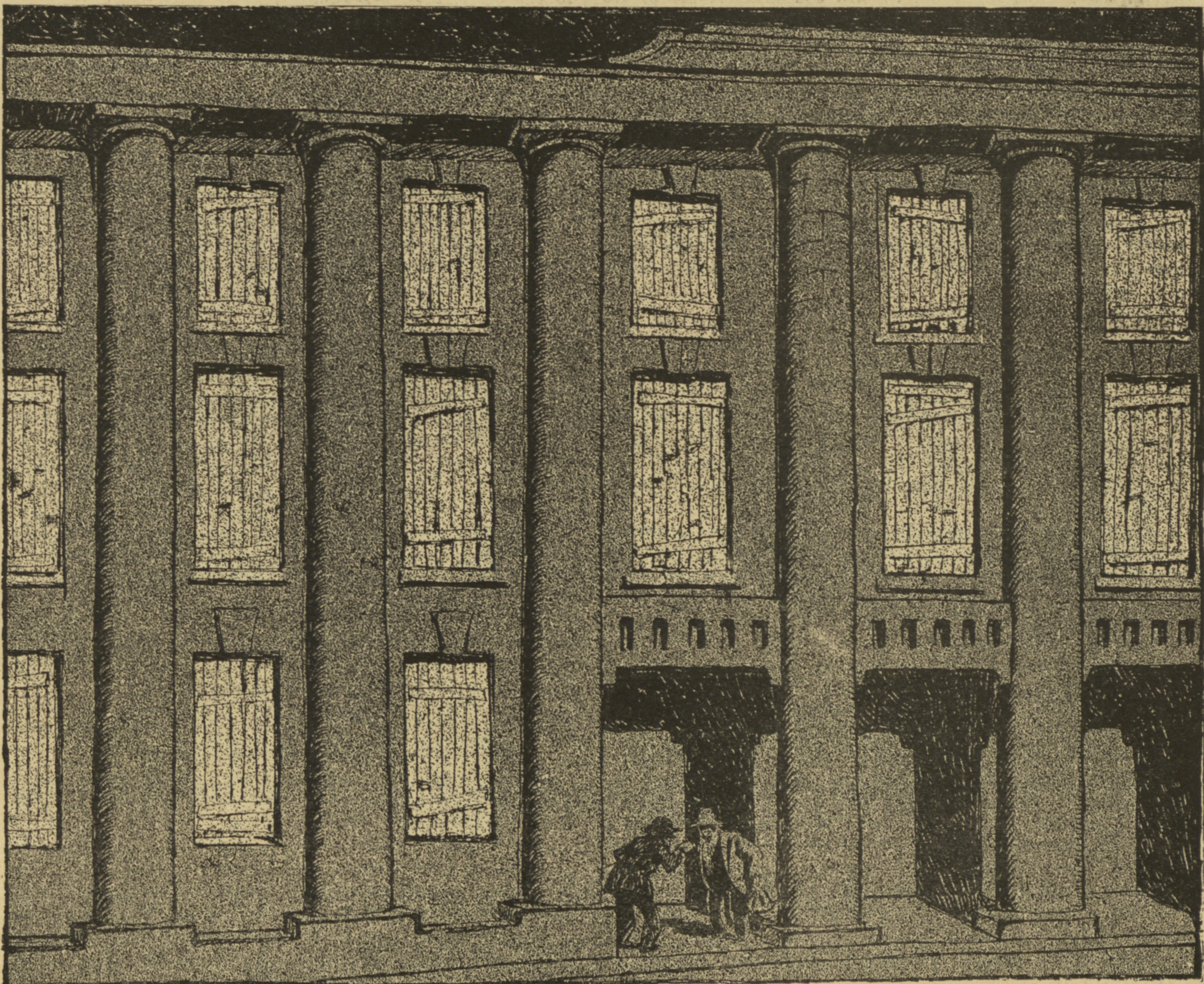
Запахъ смертной казни.

Есть особый запахъ — запахъ смертной казни. Впервые я почувствовалъ его, когда въ городѣ Лодзи проходилъ мимо тюрьмы на Длугой улицѣ. Тамъ изъ-за краснаго кирпичнаго забора виднѣлась перекладина висѣлицы и рядомъ съ ней единственный высокій тополь. Вѣшали тамъ каждый день, но только въ разное время, и я, когда проходилъ мимо этого проклятаго забора, отчетливо слышалъ запахъ смертной казни. Это запахъ гнилыхъ досокъ, смѣшанный съ тѣмъ противнымъ запахомъ, какой издаетъ лѣтомъ дешевая никкелевая посуда, когда ее плохо моютъ. Немного пахнетъ смертная казнь еще и селедкой, немного — какъ это ни странно — хлѣбомъ и тѣмъ запахомъ невывѣтрившихся испареній тѣла, какой имѣется почти во всѣхъ больницахъ. Иногда еще пахнетъ сапогами, масломъ и желѣзомъ.

Другой разъ я почувствовалъ ярко запахъ смертной казни, когда былъ на живодернѣ и смотрѣлъ, какъ убивали собакъ. Онѣ сидѣли въ желѣзной клѣтѣ и смотрѣли сумасшедшими и мудрыми покорными глазами, потому что знали, что ихъ убьютъ. Здоровенный парень выхватывалъ изъ клѣтки собаку, сжималъ крѣпкими руками горло, отводилъ въ сторону, садился на нее верхомъ, сжималъ бока колѣнями, а другой прокалывалъ грудь шприцомъ, вводя въ сердце стрихнинъ. Пахло при этомъ безсловесной собачьей мукой, потомъ агоніи, селедкой и еще чѣмъ-то внутреннимъ, противнымъ, чѣмъ пахнетъ изо-рта у неопрятныхъ людей.

Я почувствовалъ слабость во всемъ тѣлѣ, дрожь въ колѣняхъ. Помню, уходя съ живодерни, я съ ненавистью смотрѣлъ

Р. с. Б. Антоновскаго.

ГЕРМАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО.

— Товарищъ министръ Переверзевъ! „Сатириконъ“ предлагаетъ вамъ готовое прекрасное помѣщеніе для большевиковъ... Тамъ они будутъ чувствовать себя, какъ дома! Понимаете? Какъ дома.

— Славянинъ, остерегайся ласкъ Далилы!
(Изъ журнала „Le Rire“.)

— Онъ остерегается!

(Отвѣтъ Сатирика.)

на встрѣчную дѣвушку, полную и пышную, цвѣтущую и смѣющуюся. Я ненавиждѣлъ ее за то, что она цвѣтетъ, за то, что живетъ и смѣется.

Теперь запахъ смертной казни я ощущаю часто.

Не осуждайте меня за это признаніе — пусть война оправдывается печальной и горькой необходимостью, я этого не касаюсь, — но я ощущаю запахъ смертной казни, когда прохожу мимо лазарета, когда ѣду съ солдатами въ вагонъ или когда читаю въ военныхъ отчетахъ фразы, вродѣ: „Отрядъ нами уничтоженъ“, „Неприятельскій пикетъ переколотъ нашими развѣдчиками“.

Я чувствую сладковатый и противный смѣшанный запахъ немой никкелевой посуды, хлѣба, желѣза, селедки, пота, больныхъ испареній и еще чего-то невыразимо мучительнаго и тошнаго.

И жить становится тяжело и противно.

22.

Сыкъ войны.

Кривая узкая пригородная улица. По мостовой тащится возъ, нагруженный дровами. На передкѣ сидитъ бравый мальчишка-солдатъ, лѣтъ 13—14-ти. У него худыя желтыя скулы, сжатый твердый ротъ, ввалившіеся строгіе и зоркіе глаза.

Онъ нѣсколько обезпокоенъ. Позади воза — неладное. Оборванный мальчишка и дѣвчонка въ красной рваной кофточкѣ тащатъ полѣнья. Тащитъ мальчишка — цѣпкими и ловкими синими руками и передаетъ дѣвчонкѣ, а дѣвчонка отбѣгаетъ къ фонарю, прячетъ полѣнце въ мѣшокъ и возвращается съ пустыми руками за новымъ.

Возъ ица видитъ это, но молчитъ. Только ноздри раздуваются отъ волненія. Наконецъ, когда вору стащили нѣсколько полѣньевъ и, слѣдовательно, уликъ достаточно, онъ соскакиваетъ съ воза и подходитъ къ нимъ, накрывъ на мѣстѣ преступленія.

Дѣвочка застыла около мѣшка. Воръ растерялся и насторожился. Двѣ-три секунды мальчишки смотрѣли другъ на друга. Затѣмъ, „солдатъ“, ничего не говоря, отнялъ у дѣвочки украденныя полѣнья, бережно положилъ себѣ подмышку, а послѣднимъ полѣнномъ такъ же молча и спокойно размахнулся и ударилъ изо-всѣхъ силъ вора по лицу.

Воръ упалъ. Хлынула кровь изъ выбитаго глаза. Дѣвочка подняла отчаянный крикъ.

Сбѣжались люди, обступили. Задержали маленькаго „солдата“.

Но онъ былъ весьма недоволенъ тѣмъ, что его задержали:

— Такъ нѣшто это обида? Такъ ли его, вора несчастнаго, надо? Былъ бы онъ на позиціяхъ — не спужался бы квасу.

Квасу краснаго испужался Я за два года на фронтѣ и не то видывалъ, а не пужался.

Даже уличнымъ зѣвакамъ, жестокимъ, какъ голодные псы, и то стало жутко.

Ефимъ Зозуля.

* * *

Сплести текущій день съ чудеснымъ
И безъ раздумья отлетѣть
Отъ водъ соленыхъ къ водамъ прѣснымъ,
Чтобъ уголокъ родной воспѣть.

Гдѣ прянымъ зноемъ дышитъ полдень
И духъ распаханыхъ бороздъ,
Потомъ, когда уже ушелъ день, —
Живетъ въ степномъ пожарѣ звѣздъ.

Гдѣ, въ первыхъ проблескахъ разсвѣта,
Умъ, заблудившійся во мглѣ,
Впервые вплелъ въ слова Гамлета
Мечты объ Огненной Землѣ...

О! Что же онъ, въ бурлящей жизни,
Мой бригъ! Въ какомъ плыветъ огнѣ?
Какой живящей влагой брызнетъ,

Кренясь подъ вѣтромъ, — въ сердце мнѣ?

Мнѣ, другу тихихъ, безотвѣтныхъ,
Непонятыхъ донинѣ словъ, —
Часовъ разсвѣтныхъ, предразсвѣтныхъ,
Пѣтушьихъ, голубыхъ часовъ...

Дэви.

З Н О Й.

Быть можетъ солнце потекло ручьями,
И не звонки трамваевъ — блескъ его звенить.
Блескъ, отраженный стеклами и остріями,
Желѣзо раскалившій и гранить.
Аэропланъ, какъ мошка въ паутинѣ,
Въ дали задымленной надъ лѣсомъ трубъ,
Шаръ слишкомъ золотой язвительнъ и трубъ.
Не дьяволъ ли плыветъ въ лазурномъ паланкинѣ?
И къ намъ летитъ огонь съ его тлетворныхъ губъ.
Минуты зноя длительны и жутки,
Обуглится земля, испепелитъ сердца,
Кровавое перо на шляпѣ проститутки,
Какъ ярый знакъ безумья и конца.

Александръ Рославлевъ.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Трибе. (Борисовичу.) — Эгогь скромный юноша сочинилъ краткое литературное произведение, подъ названіемъ: „Верхъ разсѣянности“:

— Вы женаты?

— Да, на вдовѣ.

— Какъ на вдовѣ? Неужели вы уже умерли?

Очевидно вы, молодой человекъ, предполагаете, что господинъ, воскликнувшій: „Неужели вы уже умерли?“ — страдаетъ разсѣянностью.

По нашему мнѣнію — онъ просто дуракъ.

А стоить ли писать о дуракахъ? Лучше пишите о чемъ-нибудь возвышенномъ.

И посылайте въ другое мѣсто.

К. В—леву. — Эко какъ разбѣжался человекъ:

— И когда мы побѣдимъ всѣхъ этихъ тевтоновъ, болгаръ, австріяковъ и бельгийцевъ, то...

Бельгийцевъ хоть пощадите, — не побѣждайте!

Сарьянка. — Должно быть самостоятельная республика? На картѣ не значится). Василію Усу. — У васъ настроеніе не для стиховъ, а для приказа № 1:

Ничего не поправится;

Все мнѣ не нравится.

Смотрю кому бѣ

Выбить зубъ“.

А представьте вы себѣ, что въ это же самое время гдѣ-то бродитъ какой-нибудь не менѣе рѣшительный незнакомецъ и съ вождельніемъ мечтаетъ о вашемъ зубѣ. Нѣтъ, плохая у васъ, товарищъ платформа.

Ave.

Редакторы: { Арк. Буховъ.
А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

Вышелъ № 1 органа памфлетовъ:

„ЭШАФОТЪ“

Подъ редакціей Петра Пильскаго.

„Онъ будетъ выходить въ дни именинъ
Глупости и Безчестія“.

СОДЕРЖАНІЕ № 1:

Отъ редакціи — Двуглавый орелъ. Петра Пильскаго — Гибель Чичиме. А. Куприна — Безуміе или предательство? Вас. Ив. Немировича - Данченко — Молитва Республикѣ. Felix'a Руат — „Моя свобода“, 3 стихотворенія. Александра Рославлева — Въ Румыніи. Д. Айзмана — Анархисты? Или? Аркадія Аверченко. — Стихотворенія. Валентина Горянскаго.

Рисунки: А. РАДАКОВА, Н. РЕ-МИ, В. ЛЕБЕДЕВА.

Издательство: „Новый Сатириконъ“.

Редакторъ: Петръ Пильскій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ послѣднее время въ Петроградѣ наблюдается недостатокъ табачныхъ издѣлій, вызываемый тѣмъ, что курящіе дѣлаютъ чрезмѣрные запасы и тѣмъ нарушаютъ нормальное соотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ.

Нижеозначенныя табачныя фабрики считаютъ необходимымъ довести до свѣдѣнія курящихъ, что никакихъ основаній для опасеній исчезновенія табачныхъ издѣлій съ рынка нѣтъ, такъ какъ фабрики достаточно снабжены необходимымъ количествомъ сырья, и работы въ настоящее время производятся нормально.

Поэтому, табачныя фабрики обращаются съ убѣдительною просьбой къ курильщикамъ не дѣлать запасовъ, дабы не создавать лишнихъ осложненій въ дѣлѣ снабженія рынка достаточнымъ количествомъ табачныхъ издѣлій и, кромѣ сего, просятъ гг. курящихъ имѣть въ виду, что качество табачныхъ издѣлій при храненіи ихъ въ теченіе даже непродолжительнаго времени, въ особенности лѣтомъ, значительно понижается.

Товарищества табачныхъ фабрикъ:

„А. Н. БОГДАНОВЪ и К-о“, „КОЛОБОВЪ и БОБРОВЪ“, „ЛАФЕРМЪ“,
„А. Н. ШАПОШНИКОВЪ и К-о“ и „БР. ШАПШАЛЬ“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

5-й годъ
изданія.

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

5-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 10 руб., съ пересылкой и доставкой 11 руб., на полгода 5 руб. 50 коп., на 1 мѣс. 95 коп.

ЦѢНА за объявленія — непарель 1 строка 1 руб.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

КАКЪ ПРЕДСТАВЛЯЮТЪ СЕБЪ ДИКТАТОРА.

Рис. Ре-ми.

ЛЪВЫЙ.

КАДЕТЪ.

ОБЫВАТЕЛЬ.

БОЛЬШЕВИКЪ.

СХ 1892